

ШЛЁЦЕР И АНТИИСТОРИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ^[1]

Оригинал здесь: [Сайт "Истории России"](#)

I

Задолго еще до Шлёцера начались исследования об иноке Киево-Печерского монастыря Несторе, как первом русском летописце, о времени и обстоятельствах его жизни, о сочинениях его, о значении его летописи. Этими исследованиями - исследованиями Татищева, Мюллера - Шлёцер пользовался; подобно предшественникам своим, он признал несомненным существование Нестора, первого русского летописца, в XI веке. Но в этом вопросе Шлёцер впервые взглянул на явление собственно исторически, начал рассматривать явление летописца не отдельно, как это делалось прежде, а в связи с современным состоянием русского общества, занялся решением вопроса о возможности появления летописца в Киеве в XI веке при обстоятельствах временных и местных. Из рассмотрения этих обстоятельств Шлёцер вывел возможность летописи; после так называемые скептики отрицали возможность явления, также основываясь на современном состоянии общества; защитники Нестора утверждали противное, опять на том же основании: но основание это было положено Шлёцером, который задал вопросы: как житель Приднепровья в XI веке мог достигнуть известной степени образованности? Как напал он на мысль написать летопись, и написать ее на отечественном языке? Кто служил ему образцом? Из каких источников почерпал он известия? И как вообще он поступал при своем летописании?

Возможность известной степени образованности Шлёцер объяснил христианством и постоянным сообщением Киева с Византией); византийские летописи могли быть занесены на Русь, и, таким образом, русский человек мог прийти к мысли стать летописателем своего народа; образцами его были византийские летописцы, а не авторы саг; что же касается до источников, то многое он описывал как современник, остальное по устным преданиям. Осторожный и проницательный критик, Шлёцер остановился пред вопросом: имел ли Нестор пред глазами древнейшие письменные известия? Нестор, по мнению Шлёцера, начинал свою летопись чисто по-византийски, с разделения земли между сыновьями Ноя; но изложение его не византийское, а библейское. "Философских идей об истории народов,- говорит Шлёцер,- никто не станет требовать от приднепровского инокa XI века; мало говорит он о внутренней истории Руси; его более занимают внешние события, войны и т. п. Но, несмотря на все недостатки, русский летописец возвышается над позднейшими исландскими и польскими рассказчиками на столько же, на сколько рассудок, хотя часто заблуждающийся, возвышается над постоянною глупостью".

"Философских идей об истории народов никто не станет требовать от приднепровского инокa XI века". Так условиями места и времени объяснился, определился характер летописи: мы не вправе от летописца XI века ожидать того, что привыкли встречать у историков XIX века; но мы вправе ожидать от него добросовестной, бесприкрасной передачи виденного и слышанного; в этом отношении Нестор превосходит, возвышается над современными и даже позднейшими летописцами других народов; и потому он *главный* источник первоначальной истории Севера. Как же этот главный источник представляет нам первобытный Север вообще и дорюриковскую Россию в особенности? Это представление должно оправдать отзыв Шлёцера о *честном* Несторе: "*Честный* Нестор представляет свою страну до Рюрика пустынею, где живет несколько народцев, которых он называет всех по имени, которых места жительства часто с точностию определяет; эти народцы живут оседло, не кочуют, живут в городах, то есть в огороженных деревнях. Первым шагом к образованности у них было появление монарха, вторым принятие христианства". Чтобы понять всю важность этого Шлёцера вывода из показаний Нестора, стоит только вспомнить, что им были убиты представления о Древней Руси, к которым приучали русских людей XVIII века Елагины и Эмины. Шлёцер вывел строгую науку, древний летописец раскрыл свой простой, правдивый рассказ, и произведения бездарных риториков упразднились; с появлением законного царя исчезли самозванцы.

Шлёцер коснулся и вопроса о языке летописи Нестеровой. "Когда же,- спрашивал он,- славянская литература будет иметь своего Вахтера, своего Ире, которые сравнят славянские наречия между собою и с их общим источником?" Шлёцер не ограничился одним заданием вопроса, одним изъявлением желания, но сам приступил к исследованию о языке церковнославянском, потом изложил историю русской историографии. Понятно, что Шлёцер, имея в виду исключительно критику источников, не мог вполне